

ЖИЗНЬ НЕ КОНЧАЕТСЯ В УСЛОВЕННЫЙ ЧАС

1

Диоген просил подаяние у статуи, «чтобы приучить себя к отказам».

Наверное, он мог быстрее приучился к отказам, если бы посылал свои литературные произведения в современные журналы. В особенности с просьбой о гонораре.

Но он этого не делал. И жил в бедности. Поэтому, либо по другой, не известной потомкам причине, философ Аристипп, наживший состояние восхвалениями царя, сказал ему:

– Если бы ты прославлял царя, тебе не пришлось бы питаться чечевицей!

Диоген усмехнулся.

– Если бы ты научился питаться чечевицей, то тебе не пришлось бы прославлять царя!

Жили-были люди в древности.

Говорят, и сегодня живут.

От такой мысли и вдохновиться не долго.

«Возлюбленная на снегу стоит и моет сердце зябкими руками», – ритмически чётко выложилось строка, и следом за ней в мозг просочились доводы незримого редактора:

– Где в Израиле ты обнаружил снег?

– В Иерусалиме бывает.

– День? Два? Пусть это правда жизни. Но ей не превратиться в правду литературы.

– А снег на Хермоне? Там несколько месяцев подряд соблюдается и правда жизни, и твоя правда литературы.

– Не трогай грязными пальцами мою правду литературы за гланды! Не станет деушка ради этого ехать в такую даль.

– Чего «этого»?

– Того, что сам написал, не подумав. Мыть сердце зябкими руками.

– Не понимаю. Мыть сердце можно...

– Можно! Это литературный образ, доступный пониманию.

– А на снегу стоять нельзя?

– В Хермон она не поедет ради этого.

– Опять «этого»...

Удручающее состояние. Жить противно, а умирать неохота. Это только в юности или по глупости суются на тот свет без спросу, будто там выделяют без очереди жилплощадь на поэтическом Олимпе. Жди! Если трезво думать, там очередь покруче, чем на земле. Пушкин – Лермонтов – Фет – Тютчев – Блок – Маяковский – Есенин – Пастернак – Вознесенский – Ахмадулина. Но там ведь рай не только для русскоязычных. А Гомер? Данте Алигьери? Шекспир? Гейне? И примкнувший к ним Дантес? Говорят, и его поволокло на стихи, когда умотался во Францию, чтобы спастись от общественного осуждения после смертельной дуэли с Пушкиным на левом берегу Чёрной речки.

Но трезво думать Дани было не с мозги, особенно сегодня, в праздничную ночь, «зман симхатейну» – «время нашей радости».

Под хмельком проще возвращаться домой. Крути руль, переключай коробку передач и не горюй. Всё в порядке: одет, обут, в меру сыт и на капельку под градусом. Интересно, кстати, какое количество капелек гнездится в рюмке коньяка? А в двух? Трёх? Сколько их было? Кажется, пять. Капелек или рюмок? Нет-нет, рюмок. Так это море разливное из сотен тысяч капелек. Вот где поплавать! «Море-море, дуй на взгорье! Поднимись на Арарат! Будет радость, будет воля. Значит, рай, и, значит, ад».

Да, сейчас это удовольствие «рай и ад» – в одной упаковке. День Иерусалима – пой, пей, пляши, а по радио после проведения Иерусалимского марша сплошные предупреждения: не собираться группами, соблюдать социальную дистанцию.

Дани повертел ручку настройки приёмника. И пошло-покатило:

– Премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху представил план выхода страны из карантина. В Израиле уже разрешили посещать синагоги, церкви и мечети. На богослужении могут одновременно присутствовать не больше 50 человек. Все они должны носить защитные маски и соблюдать дистанцию в два метра. Также ограничения на работу введут для баров, кафе и ресторанов с вместительностью больше 100 чело-

век. Сотрудники должны будут соблюдать все меры предосторожности, следить за тем, чтобы расстояние между посетителями было не меньше метра, а также измерять у них температуру при входе.

Дани выключил радио. Ему ли не знать, стоит позабыть о треволнениях, повязанных заботами да переживаниями, и настроение тут же выстраивается, обретает напевный лад. Должно быть, так и положено по роли мастеру жить и творить в стиле фантастического реализма. Причём малая нехватка разума, и словно тебя занесло на необитаемый остров. Главная его примечательность – одиночество. Конечно, вокруг присутствует разная живность, включая всякие разновидности человека. Однако всё это не твоё.

Ты один, и рядом нет родственной души. Точь-в-точь, как по закону самоизоляции, спущенному с небес коронавируса на весь подлунный мир.

Жена – та, неповторимая и желанная, какой виделась на Невском в пору неистощимой любви, растворилась во времени, как уехала по разрядке Сохнута в Россию.

Проблема же возникшего отчуждения гораздо сложнее – далеко не в том, что укатила в Питер: семейный разлад не связан с расстояниями и не измеряется в километрах-милях.

2

А начиналось всё так, будто жизнь – нерасшифрованное дотошными литературоведами стихотворение, скажем, верлибр, занозисто вошедший в память сердца и оставшийся там навсегда.

Помнишь?

Помню. Туч зыбистая толочь, предчувствие дождя. Грязными лужами небо латает выемки асфальта. В росный тротуар впечатываются следы. Словно шахматное поле остаётся за мною. Я иду к тебе...

Я иду к тебе. А вровень с сердцем – неуверенность. Что сказать тебе? Как сказать?

Разве что: во время археологических раскопок я откопал в Летнем саду герму «Вакх».

Но вряд ли это вернёт тебя. Ты ждёшь от меня других слов.

Помню: в стесненье чуть скошенный взгляд, кивок головы – вас можно?

«Белый танец».

Меня приглашают.

И мне представляется – весь зал следит за мной: отвечу я на приглашение, поднимусь ли со стула?

Я поднимаюсь, ощущая зыбкое недомогание в груди.

«Женское танго» – тихо и задумчиво. Грустная смутность щемит. Я – говорливый и хлёсткий – в молчании замкнут. Молчание мне не по росту, тесно и жарко в нём.

– Звать... Как тебя звать?

– Люба.

– Значит, любовь?

– Любовь, и не иначе...

Мне фразой цветистой, но не расхожей, хочется щегольнуть.

– Луна... – вываливается отдельными крохами слов, стесняя меня в мыслях и движениях. – Представь, мы на Луне. Вокруг... как их?.. селениты вокруг. А оркестр лунный вальс играет... А?

– Не вальс, а танго.

– Пусть танго, – соглашаюсь.

– Мы же... мы не мудрёные селениты, а просто лунатики.

И мягкая, но в колючих искорках, улыбочивость затаилась в твоих зрачках. Их антрацитная глубина вобрала меня в зазеркальную тьму, как в колодец. И я потерялся. Как бы сам в себе потерялся. Или... уже в тебе?

Помню: скамейка, одна из семейства «наших». Рядом, на гудроне, сдвоенность теней, высвеченных парковыми фонарями.

Теням легче намного. Без звука и волнения – слились.

А нам?

Нам надо учиться жизни у собственных теней.

Пальцы ощупью овладевают таинством. Они, как тени, соприкасаются, они, как тени, вместе.

Здравствуй, чужая ладонь! Здравствуй!

Здравствуй и ты, чужая жизнь! Здравствуй!

А звезда – одна из многих – скатилась вниз, как слеза. Но слеза – радости или печали?

– Кто-то умер, – сказала ты. – Есть такое поверье: падение звезды предрекает смерть.

Закатилась чужая звезда. Но на каждую смерть – по закону природы – приходится чьё-то рождение.

– Пусть сегодня родились мы, – говорю я.

Помню: долго я ждал. Время, раскроенное на мгновения, приходилось вырывать из себя, как занозы, и складывать их в не-

подъёмную пирамиду ожидания. Я ощущал себя рабом, который тащит на вершину этой пирамиды одну минуту за другой и никак не может остановиться. А тут ещё – сбоку от неё – пристроился Сфинкс, загадочное создание разума и неволи. Пристроился и вопрошает: «Почему не пришла?»

Но ты пришла...

Правда, не в условленный час, с опозданием...

Мной помыкать? Пещерной неуступчивости обида хлестнула меня наотмашь.

– Явилась?! – слепо разорялся я, обгорая в жару щёк, как от пощечины. – Больно нужно теперь! Возвращайся домой!

А после мне стало известно: скорая была у тебя.

Укол, рецепты и краткое – «нужен покой».

«Нужен покой»... Но я тебя ждал, и ты пришла...

Поздно? Жизнь, полагала ты, не кончается в условленный час. Ни в тот, ни в другой, условленный...

В дневнике ты писала: «Не могу без него!.. Не могу!.. Вчера... сегодня... А завтра?.. Завтра?! Где он, где? Не могу без него, не могу без него».

И вот я иду к тебе. Летним садом.

Туч зыбистая толочь, предчувствие дождя. Грязными лужами небо латает выемки асфальта. В росный тротуар впечатываются следы. Словно шахматное поле остаётся за мной. И такое же поле впереди.

Я иду к тебе.

Две одинокие фигуры встретились посреди шахматного поля.

– Ты?

– Я.

– Ко мне?

– К тебе.

– А я к тебе.

Я поднял глаза и увидел своё отражение в глубине твоих зрачков. Я остался в тебе, увидел я. И ещё я увидел цветок. Ты держала цветок, аленькую гвоздику. Гвоздику – для меня?

– Сегодня день нашего рождения...

– Ах, да... День рождения...

– Три месяца...

– Да-да, ровно три месяца. Поди ж ты, срок!

– Совершеннолетие...

– Совершеннолетие в три месяца...

И рефреном отдаётся. Во мне и в ней.

«Я не могу без тебя!»

«Не могу без тебя!»

«Без тебя!»

«Я!»

В трёхкомнатной квартире, в холле, на неприбранном журнальном столике, у дивана, где он коротал ночные часы, чтобы реже заходить в пустую спальню, шоколадка с потрёпанной обёрткой, ополовиненная бутылка коньяка, две рюмки, одна почему-то измазана губной помадой.

С кем пил? И когда? В голове не укладывалось. А тоскливое ожидание воспоминаний гноилось под сердцем, не давало отвлечься, даже включить телевизор. Так теперь, после травмы, довольно часто. Угрозило «поцеловаться» на пешеходном переходе с машиной, и на тебе – сотрясение мозга, пару недель без встряски мозжечка, ответственного за ориентацию в пространстве, если не в жизни, больничный покой, таблетки, уколы, а затем провалы памяти. Хотя помнится: «не пить!» – типа непрерываемое врачебное предписание.

Правда, с исполнением врачебных предписаний не получилось. И не из-за слабости духа. Всё проще, когда прорезался пророческий дар, который – хочешь – не хочешь – надо чем-то питать. Почему-то лучшей пищей для него считается коньяк. Либо водка. Либо вино.

Кем считается? Запомятовал? То-то и оно! Самим тобой считается. Почему? Хотя бы потому, что дар этот прорезался именно под напиток с алкогольными градусами. Как? Вздрогнем-вспомним...

Он наполнил рюмку, чокнулся со второй, в потёках от губной помады, и глотнул, переносясь мысленно в зазывное минувшее.

Было так...

«Пусть первая строка написана не мной», – спонтанно решил Дани и, открыв наугад книгу, побежал по клавишам домашнего компьютера: «Густой аромат роз наполнял мастерскую художника».

Перечитал, удовлетворённо кивнул и добавил ещё одну строку из середины книги, полагая: она привнесёт смысловую загадку в интуитивно зарождающуюся повесть. «Лучше было бы, если бы всякое прегрешение влекло за собой верное и скорое наказание».

Подумал. Опять удовлетворённо кивнул. «Лучше было бы... Но живём по-другому, и прегрешения влекут к новым прегрешениям, а те – дальше, в лабиринт неосознанных желаний. Выход в любом случае один – смерть.

А случиться эта шутка заклятая может в любой неподходящий для жизни момент, однако всегда лучше, чтобы на старости лет, когда далеко за...»

Он поморщился, соображая, какую изобразить в уме цифру. Но вместо цифры представилось кладбище, ровный ряд надгробий с выбитыми им самим на сером мраморе или коричневом граните рисунками и именами-фамилиями, под которыми даты рождения-смерти.

3. 8.1937 – 5. 6. 2010.

2. 5.1940 – 7. 1. 2012.

А это кто такой скоротечный? Всего срок четыре года. Вот угораздило преставиться, и как раз – ого-го! – сегодня, в день рождения.. Ба! Да это же Орлёша Бложкин, поэт из соседнего подъезда. Горд тем, что инициал имени рядом с фамилией даёт непередаваемое, дорогого значения для литератора сочетание О. Бложкин – нарочно не придумаешь! Не про него ли ходят в народе юморные вирши? Про него, понятное дело. Ведь кто – никто, а я сам, балуясь рифмой, писал, сам и публиковал в Интернете в своём Живом Журнале. Дай Бог памяти, как там?

Прочёл убогие стихи,
и убедился: дядя Лёша
до дней своих последних дожил,
не отступившись от сохи.
На горизонте вражьи тли.
В мозгах темно от чернозёма.
И как обычно, не все дома.
А дом на краюшке земли.

«До дней своих последних дожил...» Ух ты! Какое предвидение. Хотя... подожди-подожди! Не расписывал, как помнится, его памятник. Да и виделись вчера, ввечеру, у разведёнки Сони Надомницы на сабантуе. Пили вместе, чокались, а потом разругались вдребезги. Из-за стишков. Нет, не этих, вроде бы других. Разумеется, других. Экспромтом пришедших в голову. Да вот и они, заклинились, видать, в мозгу.

Страдал в запое дядя Лёша.

- Не написал стихов хороших.
- Так напиши! Так напиши!
- Но нет простора для души!
- А в космос выйти есть желанье, чтоб поглазеть на мирозданье?

Толчок. Пинок. Рванул он к Богу. Поручкался, ходил с ним в ногу. И много говорил, что держит думу, как бы набрать на книжку сумму.

Но Бог намёка не расслышал.
И с чем пришёл, с тем Лёша вышел.
А Бог? Вздохнул и молвил: «Дожил!
Даёшь талант, а просят гроши».

Звонок в дверь.

– Не заперто!

– А самострела нет, Дани? – сказал с иронией в голосе Орлёша Бложкин, входя в мастерскую художника, она же салон трёхкомнатной квартиры в иерусалимском районе новых репатриантов Гило.

– Извиняться пришёл? – лениво спросил Дани, обладатель исключительно популярной среди израильского бомонда фамилии Ор (Свет), и перевёл глаза с экрана компа на ссутуленную фигуру гостя с отёчным лицом в марлевой повязке, гривой поэтически взъерошенных волос и густой синью под глазом.

– Наоборот, за извинениями.

– Во множественном числе?

– Достаточно двух. За стихотворное надругательство. И за подбитый глаз.

– Лёша! На двух рысаков разом не садись.

– Хорошо, согласен на одно извинение.

– За фингал?

– За грязное твоё стихачество.

– Не кощунствуй, Лёша. Стихи – дар Божий.

– Это когда они – мои стихи!

– Имей уважение к собратьям по перу.

– А ты меня уважаешь?

– Выпьем, что ли?

– За тем и пришёл. День рожденья у меня, а все разбежались со страху, что невзначай заразятся.

– Пруха – не старуха, мужик! С утра люди деньги зарабатывают! И со страху тоже кушать хочется. Не баклуши бьют, как мы с тобой.

– Ладно! Вечером, за рюмашкой, определим, кто баклуши бьёт, а кто поэму в триста строк окончил.

– Приглашаешь?

– А то! Заодно отметим и День Иерусалима.

– А придут со страху?

– Куда денутся? Маски наденут и придут. Власти разрешили даже в баре сидеть. А нам и сам Бог велел.

Орлёша вынул из бокового кармана клетчатой куртки плоскую бутылку водки с навинченным колпачком, поставил на журнальный столик у дивана и вопросительно посмотрел на холодильник, ожидая барственного жеста хозяина.

Жест и последовал. За ним скрип открываемой дверцы и: «а на закус у нас»...

– Квас, – срифмовал Дани, поднимаясь из-за компьютера и подтягивая поясной ремешок, чтобы брюки не спадали с намечающегося брюшка.

– Не оскверняй минуты воздержания!

Орлёша поспешно сервировал стол: колбаску – сюда, маслище сбоку, рядом с хлебом, огурчики к маринованным помидорчикам и поближе к стопарикам, чтобы не тянуться.

– Вздрогнем? – предложил Дани.

– Разливай!

– А сам чего? Ага! – догадался Дани, заметив с какой дрожью пальцев незваный гость сволок стерильную повязку на подбородок, чтобы затем с той же дрожью поднести ко рту скользкую килечку пряного посола. – Выглядишь отвратительно.

– Однако мной ежедневно любуются голубое небо, а ночью луна.

– Добавь завершающий картину мазок: «а наша планета выделила мне бесплатный ежегодный тур вокруг солнца».

– Добавил. Дальше?

– Будь здоров!

– Буду!

– Не смейся Бога, говоря о своём будущем.

– Чего так?

– Об этом потом, а сейчас выпьем.

Твёрдая рука резчика по камню и художника, когда он не поэт-юморист, без перелива наполнила гранёные стаканчики. Ими Дани и чокнулся сам с собой, а затем один опорожнил залпом, а второй осторожно влил в обидчивого приятеля, стараясь не расплескать пахучую жидкость на его прыгающих губах.

Вечером вся богемная компания, отличающаяся голубым сиянием одноразовых масок, собралась за пиршеским столом.

– Чёрно-белый мир имеет очень много оттенков. В особенности для того, кто умеет видеть. А это не каждому дано, – поднимая рюмку за здоровье Орлёши-именинника, красноречиво говорил Дани: облачён в вельветовую двойку – пиджак и штаны, подобно знаменитому художнику Модильяни, если следовать экранной версии фильма 1958 года с Жераром Филипом в главной роли.

– Выпьем! – сказал Орлёша: одет согласно торжеству в чёрно-белую тройку, украшенную галстуком-бабочкой, и лакированные штиблеты на завышенном каблуке, что

важно для представительства в редакционных кругах, когда хочется «расти» в чужих глазах. – Не надо философствовать. Тем более искать оттенки на моей физии.

Он заглотнул водку, приподняв на нос марлевую повязку, и под аплодисменты приноровливо подцепил на вилку маринованный грибок.

– Другой бы за грибком гонялся полчаса, – прокомментировала Соня Надомница, вся из себя пышная – в теле, с бюстом, выпирающем в розовом бюстгальтере из полупрозрачной кофточки, и чмокнула любимца Парнаса в щёчку.

Он театрально отдёргнулся:

– Соблюдай социальную дистанцию в два метра, как рекомендует Минздрав.

– Девушки с пониженной социальной ответственностью не соблюдают социальную дистанцию, – смеясь, ответила Соня Надомница. И отправила всем присутствующим воздушный поцелуй.

– Вас бы поженить! – благодушно высказался округлый по конфигурации Юлик Вертушкин из музея древностей, где он работал, разумеется, не экскурсоводом, а охранником у входных дверей, оценивающим посетителей на предмет склонности к терроризму и, соответственно, проверяющим их сумки и карманы, а теперь ещё и температуру.

– А мы и так можем сделать «горько»! – поддался на соблазн Орлёша и обхватил податливую в недавнем прошлом на походы в ЗАГС рыжекудрую подружку.

– Были когда-то и мы рысаками! – заметил Юлик, игриво толкнув локтем свою супругницу Мину, женщину упругой нервной системы, не испорченной даже за клавиатурой компьютера путём правки текстов местных графоманов.

– Чего ни сделаешь ради куска хлеба, – произнесла супругница в пространство, ни к кому особенно не обращаясь. И тут же, чтобы не подумали чего лишнего, взяла из фаянсового блюда квадратный листик тонко нарезанной халы, покрыла его столь же тонким слоем масла и добавила сверху красной икорки. – Не кошерно, но здорово.

– И питательно! – добавил муженёк.

– И не опьянеешь, – подхватил Жорискуситель, по фамилии Эйдсон, служивший реставратором в комиссионном магазине изобразительного искусства, когда не являлся критиком русскоязычной литературы.

– А если не опьянеешь, не пора ли налить по второй? – подал голос Дима Муркин, обозреватель газеты «Новый Восток», только

что выигравший по лотерее Грин-карту и, следовательно, отчаливающий в Штаты после открытия авиасообщения.

– Пора, пора!

– Туда, где за тучей белеет гора!

Прерванное дыхание. Звучный глоток. Перешлёп губ. Сочное чавканье.

– А по третьей?

– Бог троицу любит! – подхватил бармен Грошик, с лёгкостью профессионала, до краёв, но без перелива, наполнил ёмкости пахучей жидкостью. – Счастья и радости!

– Долгие лета!

Орлёша побулькал горлом, с волнением внимая пожеланиям. И вдруг, то ли его перехватило воспоминанием, то ли неприятием недавно услышанного, произнёс с укоризной:

– А мне именно на сегодня накликали смерть.

– Кто осмелился?

– Распрекрасный наш Дани, надгробных ваяний мастер, когда не юморит стишками.

– За какие прегрешения?

– Из-за шкодливого интереса к толкованию снов, хотя смысл в них, доступный разумению, никогда и не ночевал.

– И что такого он натолковал?

– Позвольте, я сам, – вскипятился Дани, выпрямился во весь рост, поспешно дожёвывая маринованный грибок. – Это был не сон. Просто сажу-гляжу, думаю о преходящих событиях жизни, и вдруг пригрезилось: кладбище, памятники с профилями забытых обитателей высших миров, и – на тебе! – внезапно запись на нашего именинника. Белым по серому камню, моей рукой вырезанная.

– О, да ты ещё и графолог!

– Спец по загробной магии!

– Нашёл тему для поднятия штанов, когда и без того пир во время чумы.

– Лучше разольём по маленькой. На хрен нам страшилки! – вставил свои пять копеек Жора-искуситель.

– Даньке не наливать! – накалялся Орлёша, зачем-то скидывая штиблеты с ног. – Заживо похоронил. Тапочки, мол, откину. И когда?

– Когда выпить хочется?

– Заткнись, Жора, со своими намёками, – не утихал Орлёша, выставил на освобождённом стуле туфли и пояснил маловразумительное действие: – Оставляю на сохранение свои «тапочки», чтобы имеющие глаза да увидели: тапочки откинул, а жив-здоров. И пойду отлить.

– А Аннушка масло уже пролила?

– Уймись, недодел!

Жора унялся, передав эстафету Дани, гораздому на выплески эпиграмм.

– В «литейку» путь тебе указан. Иди, приятель, на восток! Не потеряй в дороге разум. А то тебя не примет Бог.

– Данька!

– Ладно, молчу.

– И молчи, пока не вернусь. Сколько уже натикало?

– Без пяти полночь.

– Вот-вот, полночь. Значит, на повестке новый день. Отолью и отметим: всё врут календари!

– Даже надгробные! – схохмил Жора, провожая взглядом «кандидата в покойники», шатко продвигающегося по коридору.

Минута, вторая, третья. Время не имеет обратного хода – не выпивка, если пошла не в то горло. Настенные часы с маятником – не приглушить, а они уже гулко отбивают – бум-бум-бум, так и не дождавшись знакомого каждому из присутствующих раскатистого слива воды в унитаз.

– Да что с ним там, заснул? – тревожно пробормотала Соня Надомница.

– Иди – посмотри.

– Жора! Я женщина!

– Это когда спать с ним – женщина, а сейчас подруга дней суровых.

– Хорошо. Но ты со мной...

Нервное ожидание. Случайный глоток. Шумный выдох. И...

– Скорую! Звоните за помощью! – визгливый крик. – Он не дышит.

Медицинское заключение было разумно и лаконично, называлось «Эпикриз», что уже само по себе требовало перевода. К тому же написано на языке израильской клиники «Хадаса» – возрождённом Бен Иехудой иврите, принадлежащем к семитской группе и живущем на планете людей с переменным успехом три тысячи лет.

Так что переведём и попытаемся понять по мере разумения.

ЭПИКРИЗ

Скончавшийся от кровоизлияния в мозг гражданин Израиля О. Блошкин получил ушиб головы при столкновении с унитазом. Вышеозначенное падение произошло по причине того, что пошёл в туалет по маленьким надобностям организма босиком и опорожнялся горячей мочой, которая, оставив тело, вынудила его внезапно охладить.

даться до потери сознания больного. Это и послужило причиной падения, закончившегося смертью без признаков жизни.

Держа перед собой на фанерном попите в прикнопленном виде ксерокопию эскиза, Дани сосредоточенно набрасывал эскиз рисунка, которому предстояло украсить надгробную доску в изголовье усопшего. Выкристаллизовалось нечто вроде пушкинского пера, естественно, гусяного рода по оперению, и размашистая строка, вырезающая неровной струйкой крови извилистую борозду на вечном камне. Экспромтом у Дани – благо работал карандашом, а не зубилом и молотком – выкатилась на поверхность покладистого бумажного листа не одна строка, а две, три и, наконец, четыре, причём каждая ещё более ядовитая, чем поэтическая кровь.

ЖЕРТВА МОЗГОВОЙ АТАКИ

Удар случился по мозгам.

И вышел он наружу.

Теперь он там, где проще нам
на гвоздик вешать уши.

Под влиянием самопровозглашённых стихов недавнее, непродолжительное, надо заметить, как и положено в Израиле, пребывание на кладбище с опусканием укрытого саваном тела в могилу как-то скрасилось, минуя горестные нотки. Уши торчком, и внимай напутственному слову товарища всех покойных поэтов Жорика Эйдсона, обещавшего написать в литературный журнал «Братство баулов» статью о творчестве О. Бложкина, не замутнённом погоней за мимолётной славой. Но так как сейчас он у гробового входа, а не в творческом кабинете, то и слово скажет походное, имеющее, должно быть, значение при пропуске на тот свет, когда имеющий уши ангел да услышит.

И, потупив взор, глядя на развёрстую перед ним землю, Жора сказал нечто важное, магнитофоном, правда, не записанное, но вошедшее в память.

«Что он такое проникновенно сказал?» – подумал Дани и потёр кончиком карандаша висок, это по идее порождало электрические разряды, способные усилить «воспоминательную» энергетику мозга.

«До репатриации наш незабвенный друг звался Алексеем. Проще, Алёша, – вот что он сказал. – В Израиле, как и многие из нас, переназвался по местной моде, дабы выглядеть человеком с ивритскими корнями. И

превратился в Орлёшу, памятуя, что «ор» на иврите – «свет», как и в присущей нашему Дани фамилии. В результате такого превращения сегодня на кладбище перед нами не кто-нибудь, а Свет Лёша, человек с заглавной... нет, с двух заглавных букв. И следует со всей ответственностью думать, что сей свет – неугасим по своей изначальной природе, и он будет доходить даже до наших потомков, как от далёкой звезды. Так что... да... свети нам, Орлёша – Свет Алёша, до дней последних донца. Теперь с того света. А мы будем жить на этом, согреваемые лучами твоего загробного сияния. И помянем тебя раз, помянем два, пока не закружится голова. Будем жить, господа!»

– Будем! Будем! – откликнулось в мозгах у Дани прерывистым звонком телефонного аппарата.

– Алло! Кто на проводе?

– Русский КК.

– Не понял.

– Коля Киллер.

– Тот, кто живёт с Надомницей, когда Лёша в запое?

– А Лёша и без запоя не мешал. Импотент.

– Теперь уже точно. А чего звонишь?

– Хочу назначить встречу.

– Убийственную, Киллер?

– Для тебя фатовую.

– Это как понимать?

– По уровню образования. Ты что, фратер? В бабках не нуждаешься?

– Нуждаюсь.

– Тогда жди.

Трубка дала отбой.

Дани взялся за карандаш, почесал грифелем за ухом, обмозговывая сказанное Колей, непутёвым малым с золотой фиксой начала девяностых годов минувшего века, но не потерявшей блеска и доньне, стоило открыть рот.

«Дать бы ему по зубам!» – мелькнула шальная мысль, чаще посещающая его, когда был боксёром, но тут же смытая новым звонком, теперь уже в дверь.

– Открыто, разбойники!

Дверь откликнулась женским голосом:

– Мы в одном экземпляре. И не с большой дороги. Мы разбойники пера.

– Ещё этого не хватало!

Дани поспешно перевернул лист бумаги с эскизом.

«Красивей бывают только голливудские кинозвёзды», – подумал он, поднимаясь из-за стола навстречу гостю в приталенном

платье, разрисованной красными сердечками защитной маске, плюс лаковой сумочке на длинном ремешке и кожаной шляпе с широкими полями, что для Израиля вообще-то не свойственно.

– Я к вам не одна, – сказала женщина, притягательно посмотрев на Дани.

– А с кем? – попался он на стародавнюю удочку бесшабашных школяров советских времён.

– С ней. Близняшкой моей по фамилии, – и вынула из пластикового пакета малокалорийную бутылочку водки.

– А-а, – догадливо улыбнулся Дани, принимая подарок. – По паспорту, значит, Голд?

– Точнее, Голдтова. В симулятивном переводе сразу с двух языков – немецкого и иврита – золото хорошее. Но мы не о золоте, мы о напитке, претендующем на высшую пробу. Значит, для личного общения я просто Нелли.

– Та самая журналистка?

– Да-да, Нелли Голдтова из ежедневной газеты «Тайное – явное» и многих интернетовских изданий. Сядем?

– Сядем, выпьем, закусим, – смущённо отозвался Дани, расстёгивая верхнюю пуговичку на сорочке, чтобы легче дышать.

Время от времени ему попадались статьи Нелли Голдтовой, и всегда они были связаны с какими-то скандалами. То жена одного известного в русскоязычной среде поэта сошлась с его яростным литературным оппонентом и снабжала в перерыве между любовными схватками материалами, компрометирующими мужа. То маститый писатель выпустил в свет под своим именем книгу, составленную из неопубликованных рассказов почившего в бозе приятеля. То группа издателей убыточного журнала, стремясь срубить копейку на литературном обмане, создала из воздуха популярного автора и насобачилась под его видом кропать в большом количестве романы и повести, выдвигаемые уже от своего официального имени на денежные премии. То коллекционер русского авангарда продал музею картину, которую, оказалось, написал не Казимир Малевич, а сам лично, чтобы заработать на материально обеспеченном имени лишний грош. Причём, особенно не перетруждался. Замазал полотно чёрной краской и сказал: это эскиз к знаменитому «Чёрному квадрату».

Интересно, с чем пожаловала сегодня эта писучая баба? Какие суперсплетни намеревается отразить своим блудливым пером при

его, вполне возможно, бессознательной помощи? О размолвке с женой?

Про «помощь» Нелли выхватила тут же из непрошенных мыслей, будто родилась телепатом.

– А кто нам откроет бутылочку?

Дани нехотя отвинтил металлический колпачок, разлил по стаканчикам, не покидающим журнальный столик, будто на вечном посту там поставлены караульными. И вспомнил: на закуску – ни колбаски, ни ветчинки.

Нелли уловила растерянность в его глазах. И, смеясь, вынула из сумочки плитку шоколада.

– Подать поэту на конфету! – дурашливо провозгласила рифмованную чепуху. И, опережая возражения, вполне серьёзно уточнила: – По журналистскому расследованию, в Москве наметилась новая алкогольная тенденция: водяру закусывают сладким. Более того, мёд заливают в бочки со спиртом. Говорят, что таким образом возрождают старинную медовуху.

– Медовуху готовят по иной рецептуре, – сказал с некоторым облегчением Дани, закусывая шоколадкой. – Да... кстати, какое дело у вас до меня?

– Ах, мы живём по песне из кинофильма «Последний дюйм»? Что ж, тогда ближе к оригиналу будет: «Какое мне дело до всех до вас? А вам до меня!»

– Вот именно, до меня.

– До вас никакого. А вот до Жорика Эйдсона дело есть.

– Так обращайтесь к нему.

– К нему я обращусь после того, как он гикнется. И напишу, какой он был замечательный критик русской словесности, но внезапный инфаркт... либо вражеская пуля... либо осколок от самодельной ракеты наших двоюродных братьев...

Нелли вопросительно уставилась на Дани.

– Какого чёрта?

– Не чёрта, дорогой, а оракула. Вы ведь, кажется, оракул.

– Чего ради?

– Так в народе говорят. «Что предскажет, то и сбудется. Скажет – «умрёт!», значит, умрёт, день в день, час в час». Итак?

– Нелли, не выводите меня из себя.

– Какой отпад, Дани! А ежели выведу, куда вы втиснетесь? Не в меня ли? Ваши намерения?

– Сначала выпить и закусить.

– А потом?

– Потом удалить вас из своей жизни. И... приятных... воспоминаний.

– Тогда до встречи на страницах «Тайного – явного» и на Фейсбуке.

Вспышка гнева хороша тем, что её легко утолить рюмкой водки. Хороша и тем, что, попадая в кадр, преображает фотогероя и позволяет ему выигрышно смотреться на развороте газеты. В особенности с такой подтекстовкой: «Дани Ор, в прежней, до репатриации, жизни – Орлов – новый пророк Земли обетованной. Кому предскажет гикнуться, тот и откинет тапочки точно в назначенный срок. Кто на очереди? Критик русскоязычной литературы Георгий Эйдсон. Когда похороны? Об этом в статье».

Дани готов был разорвать газету на мелкие клочки. Но это не исправит ситуацию, которая, нет сомнений, вышла из-под контроля.

– Сука! – сказал вслух, благо никто не слышит. – Ничего я не предсказывал насчёт Жорика. А пишет-пишет.

Но не успел он подумать о плане действий на ближайшее время, обещающее немало неприятностей, как вновь гости.

Кто теперь на прицеле у его нервной системы? Коля Киллер, пёс приبلудный. Вот человек-заноза: досталась по наследству немецкая фамилия, так, пожалуйста, решил соотвечать. Нет, чтобы записаться добровольцем в израильскую армию. Или кинуться наёмником в иностранный легион. Куда там – кишка тонка! А ведь делает вид, будто он тайный главарь смертельно опасной банды. Вид делает, но никто его виду не верит, и при встрече подчас насмехается: «Кого, Коля, прижучил на этот раз?» В ответ обычно – загадочная улыбка и похлопыванье по нагрудному карману курточки спортивного покроя, будто там лежит чек на предьявителя.

– Не заперто? – спросил Коля, входя.

– Нам некого бояться.

– Само собой, Дани, если я уже тут.

– А что?

– Тебя ищет Жорик.

Коля хозяйски прошёлся по комнате, остановился у мольберта с портретом девушки, почмокал губами, выдал: «Неплохо! Но вернёмся к нашим баранам».

– Каким баранам? Валил бы отсюда!

Дани нервно накинул мешковину на мольберт, чтобы его Люба – та, невосполнимо утраченная Любаша, какой встретилась в питерской юности, не смотрела с полотна изумлёнными глазами на нежданного цени-

теля живописи с лицом матёрого хищника, способного восторгаться разве что танцем живота.

Коля протянул руку, намереваясь покровительственно потрепать Дани по расхристанной причёске, но напоролся на свирепый взгляд и отошёл к журнальному столику, всё ещё держащему, как на подносе, початую бутылку «Голда».

– Не допили? – посмотрел со значением на Дани.

– И это тебе не нравится?

– Это как раз мне нравится, – хмыкнул Коля и глотнул из горла, показывая свою «крутость». – Налить?

– У меня, что ли, рук нет?

– Принято.

– Тогда выкладывай, что за дело привело тебя ко мне?

– Бизнес, и ничего личного.

– А говорили, что ты шляешься по знакомым с одной целью – за бабками, лишь бы взять хоть сотенку в долг.

– И не вернуть? Пусть говорят, но для тебя замечу: сегодня – и это без всяких сплетен – все сидят в заднем проходе.

– Что ж, иными словами, осуществлена заветная мечта гомиков. Присаживайся. Поговорим.

Коля угнездился в кресле, Дани на диване. Разлили на двоих. Молча выпили. И опять разлили. Тут разговор и потёк.

– Предлагаю свои услуги, – начал Коля без затей. – Какие? Наёмного убийцы. То бишь под фамилию будь сказано – киллеровские.

– На кой мне?

– Прижучим Жорика – гиганта мысли. Ему крышка в указанный газетой срок, а тебе прямая выгода – пророческая! Опять предсказание попало в точку. Станешь чисто Робин Гуд по предсказаниям и сможешь на этом деле капусту срубить. Предскажешь этому, предскажешь тому, глядишь, и перевоплотишься из лесного разбойника-стрелочника Робин Гуда в знаменитую пророчицу Ванду, что из Болгарии.

– Вангу!

– Ну Вангу! От перемены мест слагаемых сумма не меняется. В миллионеры своим ходом выйдешь и заодно со мной поделиться.

– За какие коврижки, Коля?

– Я буду людей убирать по твоим наводкам. Этому – каюк, допустим, в мае, значит, чтобы не маялся лишнее, отправим к праотцам в указанный срок. Этому пятаки класть на глаза в октябре, значит, пустим его под

откос осенью, чтобы лишний раз не мёрз зимой. Хорош расклад?

Дани загадочно усмехнулся.

– А если я предскажу дату твоей смерти, а?

– С мозги свинтился? – опешил Коля Киллер. – Я и так безработный сейчас, как все вокруг. Самоубийственный случай и без пули в мозгах.

– А по настоящему, по моей, якобы, наводке? Бац-бац – и ваших нет!

– Моих не трогай! Что за отстойный прикид? Да пошёл ты!

– Сам иди, и закрой дверь плотнее, а то надует за тобой всякой мертвечины – не продохнёшь.

– Я тебе ещё пригожусь, – сказал Коля Киллер, заглывая последнюю порцию выпивки.

Великие будни набегают, но старятся, не дожив до праздника. И убого перелицовывается жизнь, переиначиваются слова, а мысли и вовсе путаются в голове, затянутые в хоровод досужих мнений.

И тоска обнаруживается там, где должно верховодить веселье. Мрак, холод, гнёт. А когда на последней болевой точке нарастёт гнойный фурункул, сознание внезапно вскрывается, будто после надреза скальпелем. И отчаянная решимость поглощает: плевать на праздники, приходящие за буднями! Сегодня – мир твой, и завтра твой, и послезавтра, если по глупости не будет отдан случайным добротам, прикидывающимися друзьями.

Будем людьми! А для этого надо жить и ни в коем разе не умирать до назначенного времени!

А когда оно – означенное время?

Дани передёрнуло. Ещё этого не хватало: самому себе назначать означенное время. Конечно, лучше бы знать конкретно, чтобы определиться, земные дела завершить и спокойно закрыть глаза, как последнюю страницу прочитанной книги. Но вряд ли получится – спокойно. Столько натворил, столько накуролесил. Да и сейчас, даром что придумщик, врубился в такой фантастический реализм, что того и гляди схлопочешь неприятности. Всё как на старой фотографии в два противоположных цвета: здесь чёрное, там белое, хотя, если подумать, чёрно-белый мир имеет очень много оттенков, в особенности для того, кто умеет видеть, а это не каждому дано, не каждый – художник от природы.

Дани был художником широкого творческого профиля. По призванию и многообразию дарований. Это его и мучило. Чувство-

вал и понимал: гениальные творения, ради которых родился, так и не созданы. Ни в прошлом, ни в настоящем, да и в перспективе явятся разве что во снах. Оттого и под воздействием неудовлетворённости перекидывался на пограничные виды творчества, памятуя: талант во всём даровит. А теперь, когда угораздило неожиданно выявиться пророком, нужно и в этом качестве не оплошать. А это... Да-да: что сказано, то сбудется, а сбудется – не забудется, и в памяти людей оставит всходящее семя. Лет через двадцать, вспоминая о нынешних днях, будут говорить: это произошло, когда Дани Ор предсказал точную дату гибели нашего незабвенного... «Угораздило! – подумал Дани. – По мне ли – зарабатывать выигрышные очки на смерти людей? Впрочем, этот Жорик Эйдсон – настоящее чмо паникёрского рода, ему и откинуться в нужный срок – не проблема, если слух пошёл, что приговорили. Мнительный, трусливый... услышит: по пророчествам, мол, предписан каюк, и никакого Киллера не понадобится. Позвонить, что ли? Успокоить? Сказать человеку: «Не приговаривал я тебя, Жора, живи и не кашляй!».

Дани не успел поднять трубку, как опять телефонный вызов.

– Алло! Жора? Лёгко на помине.

– А без помины не можешь?

– Могу, пока...

– Пока не умер, да? Какие нелады ты мне напророчил, что уже ни слова без поминовения?

– Ничего на твой счёт я не пророчил! Это Нелли влезла со своей отсебашкой.

– Не притворяйся божьим агнцем! Предлагаю сделку.

– А подробнее?

– Я твою картину, ту, где ромашки-лютики, выставлю у нас в комиссионке. За хорошие деньги.

– Жора! Напоминаю, ты при оценке назвал её мазнёй. «Ни один идиот эту картину не купит!»

– Это был прикол. А сейчас скажу: не купит, если под ней твоя подпись, Дани Ора. Однако я, если ты не запамятовал, ещё и реставратор. Прибавлю к ромашкам-лютикам пару подсолнухов. И подскажу коллекционерам: неизвестный Ван Гог. Полотно, мол, найдено на блошином рынке в Старом Яффо. А оно, как показала экспертиза в Тель-Авивском университете, не что иное, как первый эскиз к его знаменитым «Подсолнухам». И считай башли.

– Пруха – не старуха?

– Что?
– Долго ли считать?
– Деньги – счёт любят.
– Яснее нельзя?
– Чего неясного? Если ты такой мировой пророк, то продли в предсказаниях жизнь мою. Сроки положи разумные: лет, положим, до ста. Я в долгу не останусь, полотна твои выдвину на аукционы.

– У меня как раз одно почти готово. Хочешь взглянуть?

– Уже.

– Что «уже»?

– Уже бегу.

Трубка дала отбой. Дани возбуждённо поднялся с дивана, шагнул туда, шагнул сюда, неопределённо хмыкнул и направился к мольберту, обмакнул кисть в краску, надеясь до прихода хитроумного оценщика ART искусства добавить несколько штрихов и подписать картину.

Сирена Скорой помощи оторвала художника от мольберта, когда он, наложив последние мазки, любовался завершённой работой. Выглянул в окно.

– Что случилось?

– Человек попал под машину! – откликнулась женщина в кожаной шляпе, стоящая рядом с амбулансом.

– Кто? – осёкшимся от испуга голосом спросил Дани, узнавая в свидетельнице происшествия журналистку Нелли Голдтову.

– Тот, кому ты смерть накликал. Вот так совпадение!

– Жорик? Это ты ему смерть приписала в газете. У меня и в мыслях не было.

– А это мы сейчас выясним: было или не было.

И Нелли, опасливо поглядывая по сторонам, чтобы не попасть под колёса, перешла улицу и направилась к входной двери.

Безумие мысли рождается с неизлечимой болезнью. Это Дани понял непременно, когда заставил Нелли, усадив в кресло, оправдываться в содеянном.

– Какого чёрта ты написала, будто я предрекал смерть Жорика?

– У тебя очень сильная экстрасенсорная энергетика. Настолько сильная, что просто публикация твоего имени в подвёрстку с какими-либо предсказаниями, уже влияет на судьбу людей.

– Не дури! А то получается: ты больше знаешь обо мне, чем я сам.

– То-то и оно.

– Объяснись.

– Хорошо. Но это – чур! – только между нами.

– Кому разглашать? Весь мир видел меня в грубо и белых тапочках.

– Кстати, о белых тапочках. Я только-только из больницы.

– Ну и что?

– Констатировали – рак.

– Я тут при чём?

Машинально Дани взял со стола блокнот и стал карандашом набрасывать портрет Нелли Голдтовой. И внезапно увидел, впервые за всё время общения: глаза у неё и впрямь мёртвые. В них – ощутил чуть ли не физически – нашла себе временный приют смерть. «Временный», – подумал отвлечённо. И осознал: смерть, действительно, временный житель, как съёмщик квартиры. Поселяется на недолгий срок, а как проводит на тот свет, расстаётся с клиентом и переезжает на другую квартиру.

От несуразности ассоциаций он чуть было не рассмеялся – «доморощенный философ». Но вновь посмотрел в мёртвые глаза Нелли, поперхнулся и, скрыв неловкость, протянул ей рисунок.

– Нравится?

– Как живая, – грустно вздохнула она.

– Живая и жить будешь дальше! – спонтанно откликнулся на беззвучный крик о помощи.

– За тем и пришла. Спасибо за оптимистическую прибавку к прогнозу жизни и смерти. А то жила с ощущением, будто меня драли шелудивые собаки.

– Объяснись, не понял.

– Всё-всё! Убегаю! Мне достаточно, что ты продлил мне жизнь. Теперь я с надеждой смотрю на своё будущее.

– Подожди! – Дани предупредительно поднял руку. – Ты мне так и не растолковала, почему предписала смерть Жорику от моего имени?

– Чего там толковать? Просто хотела проверить, как отзовется слово.

– Но ведь это слово твоё.

– Э, нет! Я же говорила о твоей невероятной экстрасенсорике. Достаточно к твоему имени в подвёрстку дать какое-то предположение о жизни или смерти, и оно превращается в исполненное пророчество.

– Теперь ты будешь спекулировать моим именем?

– Зачем же так? Мы не в Советском Союзе с его законами о спекуляции. У нас развитой капитализм. Бизнес и ничего личного,

как говорит Коля Киллер по подсказке из забойного фильма.

– Но я ведь помог тебе выйти из кризиса.

– Мне помог. Поможешь и другим.

– Мне предпочтительнее сидеть в башне из слоновой кости и заниматься творчеством.

– Придётся переквалифицироваться. Теперь твоё творчество: продлевать людям жизнь. А прибыль – «фифти-фифти», как говорят в городе жёлтого дьявола.

– В Пекине?

– Чудак! По Горькому, в Нью-Йорке.

– Не был, – вздохнул Дани, – ни в Пекине, ни в Нью-Йорке. Нигде! Первая заграница – Израиль, она и последняя до сих пор. Кроме Бейрута, где я побывал на первой ливанской войне. Ни на что денег нет. Картины не покупают, прозу почти не печатают, просят взамен журналистику, а стихи... да, стихи ходят по людям, но с гонораром не возвращаются.

– Вот я и предлагаю...

– Догадался. Но я в это не играю.

– Ты – нет, я – да! Помнишь, «а до смерти четыре шага»? В нашей воле ходку к смерти удлинить, и не на шаг, не на два... Людям, отравленным предсмертным страхом, в особь сейчас, под напором убийственного вируса, добавить год-два жизни за счёт простой веры в твои живительные предсказания. Гуманно, не так ли? И песня на новый лад прозвучит куда лучше, вот так: «а до смерти сто двадцать шагов».

– Но сначала надо намекнуть человеку на близкую смерть?

– Тебе ничего не надо. Я сама займусь пациентами. И буду выбирать тех, кому и без того смерть глядит в глаза. Я же журналистка, забыл? А, значит, не зря лежала в больнице с раковым диагнозом. Подсуежилась между процедурами и составила списочек кандидатов на операцию. Так что тебе придётся лишь считать «зелень» и добрым словом продлевать жизни.

– Я не собираюсь никого приговаривать!

– И не надо! Ты будешь выводить из стресса. А стресс обеспечу я. У нас – забыл? – свободная пресса.

– А тебя, Нелли, не будут мучить угрызения совести?

– Да пойми, ты будешь продлевать жизнь приговорённым по медицинскому диагнозу. Есть такое понятие – плацебо, если не ошибаюсь в названии, когда пациент излечивается за счёт предсказания со стороны. Вот ты и будешь таким предсказателем, а я... Мне

самой на операцию надо собрать кругленькую сумму! А вокруг – сплошная безработица без зарплаты, не только для меня, на десятки тысяч израильтян. И если я по Маяковскому не приравняю перо к штыку, то тебе придётся украшать своими рисунками моё надгробие.

Нелли попыталась подняться из кресла, но не тут-то было.

– Это что ещё за штучки? – возмутилась она, придавленная к сиденью собеседником.

Однако сколько ни возмущайся, а рот, запечатанный клейкой лентой, будешь держать на замке, и рукам воли не дашь: схвачены скотчем крест-накрест, и шаловливым пальчикам, приученным плясать на клавиатуре компьютера, теперь будет не до танцев.

Успокойся на мягкой кровати и плачь себе в подушку. Заодно помни об утраченных иллюзиях, посыпанных пеплом отчаяния. Помни и о невозможности выдать под грифом «экстренно в номер» очередную порцию предсказаний новоявленного пророка из иерусалимского района Гило, где за тысячу лет до нашей эры молодой пастушок Давид из Вифлеема (Бейт Лехема), будущий еврейский царь, пас коз и овец, играл на дудочке и сочинял стихи и песни.

Эх, Дани-Дани! Умён, но не предусмотрителен. Руки девушке связал, забыв, что шаловливыми пальчиками она и в этом состоянии двигать способна. А пальчики «хруп-хруп», щёлкнули замочком женской сумочки, перекинутой через плечо, вытащили карманный компьютер, набрали номер смартфона Коли Киллера. И пошло-поехало: «Твой наезд Дани видел в окне. Придумай что-нибудь путное, но без угроз, чтобы он в полицию не сообщил. А то ещё придётся оплачивать услуги адвоката, когда на операцию денег не набрать».

В соседней комнате задремал телефонный звонок.

Ох, как не хотелось Дани снимать трубку! Трахнул бы ею об стол, но вместо того, сдерживая себя, перенёс аппарат на подоконник и стал наблюдать через окно за происходящим на улице, интуитивно предполагая, что скорей всего звонят оттуда.

– Алло!

– На проводе Киллер!

– Коля, отвали!

– Это не проблема. По уровню образования тебе пора уразуметь, что я уже отвалил и нахожусь по незнакомому адресу. Почему? Потому что ты собрался в полицию. И не в

гости, чтобы выпить рюмку водки и скушать бутерброд с колбасой, а с форменным доносом.

– О чём?

– О наезде на твоего дружка Жорика.

– Он жив?

– Отделался лёгким испугом, как Остап Бендер.

– А кто был за лошадь? Ты?

– И это скажешь в полиции?

– Ты? – повысил голос Дани, разглядев на углу подле декоративной телефонной будки Колю Киллера, и у него зачесались кулаки, как в юности, когда приходилось и не по такому жуткому поводу давать по зубам.

– Господин Случай!

Дани со злостью бросил трубку на рычаг и – на улицу. Рванул, не глядя, на мостовую, и – к телефонной будке. Но не добежал. Угодил под удар бампера, выскочившего из-за поворота автомобиля.

Глава третья

ТАЙНА МУЖСКОГО СЧАСТЬЯ

4

Сколько воды утекло с тех пор, сколько горячечных и мстительных мыслей прокрутилось в голове, но всё утряслось, мало-помалу успокоилось, и недопитый коньяк, казалось бы, выдохнувшийся, пьянит, будто только что откупорил бутылку. Или это закономерное последствие сотрясения мозга, либо остаточная усталость от перебродивших за вечер градусов перевоплощается в энергетику жизни и базарит в крови?

Опрокидываешь рюмку, вертишь перед собой вторую, изучая потёки слишком яркой для Израйля помады. Вдыхаешь её, не узнаваемый до конца запах, но чем-то родной. И отчего-то тошно на сердце, в пору руки наложить на себя. Однако знакомый ангел-хранитель не позволяет, ибо это самый страшный грех. Иной можно как-то искупить, выпрашивая, пока ты ещё на землешке, прощение у Бога, но не самоубийство. Его никак не исправишь, поскольку ты уже там, откуда не возвращаются. Заодно друг-ангел не преминул сообщить по секрету, что в свободное от основной работы время спасает за год приблизительно 25 человек, прыгающих с Бруклинского моста. Но газету об этом не информирует, дабы не умалять притягательность американского образа жизни в глазах потенциальных эмигрантов.

– Куда клонишь, приятель? Предлагаешь эмигрировать в Штаты?

Ангел как-то странно замутился, будто вслух постеснялся огласить свои думы, и передал телепатически.

– Сначала сходи в туалет.

И впрямь, почему бы не сходить? Тем более что... Что? Тусклый свет пробивался сквозь матовое стекло из хитрой клетушки. С чего бы это? Неужели, уходя, забыл выключить лампочку? Ой-ё-ёй, старик, пришло вывесить плакат советских времён: «уходя, гасите свет». И тут неминуемо выскакивает: «старость – не радость». Впрочем, и старость – штука относительная. Ноги держат, пальцы сгибаются, резец не затупился, перо не выдохлось. Словом, широка душа родная, много в ней талантов и огня. Эх! Мать моя – родина! Что увидено, то уже пройдено. Что потеряно – не возвратить. Время пусть адво, но приказано жить.

– Будем жить! – одобрительно подтвердил знакомый ангел, будто ему заранее ведомо, сколько лет отпущено каждому, с кем он общается, оберегая от неприятностей.

– Но сначала в туалет?

– Это тоже составная часть жизни.

– Ладно тебе! Вот пристал с туалетом. Можно подумать, я там чего-то не видел.

Странная, иронического замеса улыбка коснулась влажных губ ангела и растворилась тотчас – вместе с ним.

Но голосовая связка, протянутая от незримого обитателя седьмого неба к подвластному его гипнозу земному с похмельным синдромом гомосапиенсу, продолжала существовать. И в туалете, где ощутимо угадывался запах всё той же помады и ещё каких-то духов, навевающих неясные воспоминания ленинградских времён, когда на Ленфильме режиссер Вадим Гаузнер снимал музыкальную картину «Город. Осень. Ритм».

Извне послышалось:

– В чём разница между миром и войной?

– А то не знаешь.

– Я знаю. И тот, кто направил меня с того света, знает. Но знаете ли вы?

– Во время мира дети хоронят родителей. Во время войны, наоборот, родители хоронят детей.

– Так отчего же?

Дани поморщился.

– Ради этого ты посоветовал мне сходить в туалет?

– Боишься о детях?

– У меня нет детей!

– Рождённых нет, согласен.
– Не приставай. Сначала было не до этого, потом...
– Словом, сюжет самого короткого рассказа. «Любовь ушла. Утром он не проснулся».
– Я-то проснулся.
– Уверен?
– Ущипни – проверь.
– Эх ты, я ведь бес-те-лесный.
– Бес – это точно. И соблазнитель.
– Дразнишься, сын человеческий? Тогда – на сон грядущий – обмой своей грешное тело под душем.
– Иначе?
– Иначе – не бывает, как и сослагательно-го склонения в жизни.

«Ангел прав, – подумалось невзначай. – Не переиграть, не переписать. Что было, то было. А было...»

Открыл кран, принял на себя игольчатую струю горячей воды, зажмурил глаза. А там... в закрытом пространстве воспоминаний, карнавальное мельтешение фигурок, всплески джазовых импровизаций: Борис Гаммер – тенор-саксофон, Вячеслав Ганелин – фоно, Боря Банных – контрабас, Володя Болдырев – ударные, Миша Вайнер – альт-саксофон. И – рядом, да-да, в партере, на шестом ряду, в центре концертного зала – она, Люба-Любаша. И летучие поцелуи, малозаметные для посторонних свидетелей счастья обретения любви, под аплодисменты и свист, сопровождающие удачные импровизации. Настроение – праздник. Вроде на всю оставшуюся жизнь. «Праздник, который всегда с тобой», как у дядюшки Хэма. И если бы... Но нет и не будет в жизни никакого «если бы». Всё было так и не иначе! И к тому же, не имея в наличии третьего глаза, не увидит реального будущего. Но тут в доступные понимание размышления вмешивается ангел, слишком настырный этим вечером.

И поясняет:

– Чудак-человек! Ты, как, впрочем, и другие тебе подобные двуногие-прямоходящие, имеешь при себе в запасе третий глаз, которым до поры до времени не научен пользоваться.

Третий глаз, добавляет он на засыпку, обладает сверхъестественной силой, позволяет увидеть неведомое, совершить астральное путешествие в иные измерения. Третий глаз, уверяет он с присущей небесным созданиям педагогической убедительностью в голосе, это межпространственный портал в потусторонний мир, самое удобное и доступное ка-

ждому, вплоть до прикурка, средство для галактических путешествий.

Достойное объяснение. Теперь и вопрос:

– Когда?

– Что «когда»? – не врубился ангел, являясь в ванную под дождевую каплю в полном снаряжении: белая тога, ореол, крылышки.

– Когда прорежется мой третий глаз?

– Ты ещё не созрел.

– Куда созреть дальше?

– Дело не только в тебе, а во всём человечестве.

– И тут коллективное зрение, как у зомбированных телятником?

– По-другому нельзя.

– А где же моё право выбора – главное отличие человека от братьев наших меньших с длинными хвостами и клыками?

– Право есть, а выбора пока ещё нет. Преждевременно не полагается! Иначе не третий глаз, а щёлочка, вроде замочной скважины, у тебя во лбу проклюнется. Хочешь?

– Хочу! – воскликнул из чувства противоречия.

– Что ж, тогда смотри.

– Где? Здесь? В душевой?

– А ты смотри дальше? В спальне смотри.

Господи! С тех пор, как жена укатила по сохнутковской развёрстке работать в Питерском офисе, он старался поменьше заглядывать в спальню, чтобы не бередить раны. Совместно, грустно и горько. Здесь Люба призналась: пойдёт на аборт, боится, что после неудачного научного эксперимента, в котором она принимала участие, ребёнок родится неполноценным, с какими-то опасными для жизни изменениями в организме. Для подобных подозрений были определённые основания. С того момента, как вернулась из научно-исследовательского центра, постоянно испытывала повышенную усталость, резкие головные боли, доводящие до приступов рвоты, апатию, сменяющуюся неподконтрольными страхами, вызывающими истерику, а тут ещё и беременность, усилившая недомогание. Семейный врач, русского корня мужик, измерил давление, пощупал пульс и прописал принимать ежедневно по сто капелек коньяка в виде исцеляющего снадобья.

– При сужении сосудов – в самый раз!

Совет подействовал. Головная боль отпустила, но душевная не уходила, и со временем, после известия о том, что вследствие аборта она стала бесплодна, Любаша полностью изменилась. К себе не подпускала, психовала по малейшему поводу. А чтобы не

афишировать разрыв отношений, выбила себе длительную командировку от Сохнута на родину – в Санкт-Петербург. Там и впрягла себя по самое «не могу» в работу с потенциальными репатриантами, мечтающими о молочных реках и кисельных берегах на Земле обетованной.

И вот, если верить намёкам знакомого ангела, дуновению российских духов, потёкам слишком яркой для Израиля помады, есть надежда, что Любаша вернулась. И стоит открыть дверь в спальню, сказать: «Я с тобой!», и всё образуется. Время стремительно двинет на круги своя, когда, вспоминая о джазовом фестивале в Питере, ты говорил:

– Я с первого момента понял: ты меня полюбила. Прочитал это в твоих глазах.

И в ответ всплеск ладоней:

– Ладушки-оладушки! А я в твоих.

«Любовь, я постигаю твой рассвет. Не на рассвете, позднею порою».

И Дани тихо, чтобы не скрипнула дверь, вошёл в спальню.

5

В чём сокровенная тайна мужского счастья? Иногда в очень простом. Встретить рассвет с любимой женщиной. Под одним одеялом, в духовитом тепле, порождённым слепленными телами и долгими ненасытными поцелуями.

Но рассвет – проказник, а подчас и шаловливый чародей-кудесник: так преобразит человека, что хоть стой, хоть падай. Но стоять на кровати – сочтут за помешанного, а падать с неё – примут за эпилептика. Но куда деваться, если глаза не врут, и перед тобой не тётушка-жена, а её омоложенная – многолетней давности – копия? Ещё ночью, влипая в объятия, слыша спросонья прерывистый шёпот, чувствовал нечто неладное. Но голос её – кстати, он не меняется с возрастом. Губы её – родной запах помады тоже не выветривается. И страсть... Да, всепоглощающая страсть и наступившее следом изнеможение, бросающее незамедлительно вглубь дивного сна, насыщенного переживаниями и видениями. А утром... Ну, понятно, очнулся, и если идти по второму кругу: хоть стой, хоть падай.

Страшно подумать, сейчас и она проснётся, откроет глаза и... «Что с тобой стало? Посмотри на себя?» – скажет испуганно. А зачем смотреть? И без того ведомо: добрый кусок жизни провёл ни в холодильнике, ни в инкубаторе по задержке возраста. И ни с

кем-нибудь, а с тобой, только с тобой, Любаша. Но не сегодняшней, вернувшейся из декабря 1988 года, а с другой, твоей близняшкой, обременённой, правда, возрастом, явно не девичьим, и при этом дочерью неудавшегося научного эксперимента. Нервной, вспыльчивой, потерявшей себя после получения медицинского заключения о невозможности когда-нибудь родить ребёнка и состарившейся, как положено по закону природы.

Впрочем, тебе природа не указ. Или? Природа отдыхает, когда научный эксперимент блистательно завершён и тебя просто-напросто перекинуло в будущее, как и намечалось по плану? Американцы пробовали по подсказке Альберта Эйнштейна перебросить эсминец со всей командой на несколько лет вперед. Ничего у них не получилось. Многие матросы сошли с ума, и сидят, если живы, в сумасшедшем доме. А у нас получилось? Судя по тебе, получилось.

Любаша! Помнишь, мы рассматривали вырезки из старых газет, гадая, стоит или не стоит тебе входить в это рискованное предприятие? Но сомнения пересилила неискоренимая для репортёра жажда сенсации. Вдруг получится? В этом случае выпадет шанс стать королевой репортажа с пулицеровской премией в кармане и пожизненным званием первой в мире журналистки, перепрыгнувшей через временной барьер. А не получится, что ж, подражая Есенину, по родной стране пройдёшь стороной, как проходит косою дождь. И затем вернёшься домой, правда, с внушительным, выданным заранее, гонораром, предназначенным каждому, кто рискнёт заглянуть в будущее. Этого хватит с избытком на взнос для покупки квартиры. А что до душевных переживаний, связанных с потерей надежд на выход в королевы репортажа, то Альберту Эйнштейну, наверное, довелось испытывать более глубокие огорчения. ФБР, как известно, не допустило его, автора знаменитого афоризма «если третья мировая война будет вестись атомными бомбами, то четвёртая – камнями и палками», к созданию этого сверхоружия, кодовое название «Манхэттенский проект».

«Из-за своих радикальных взглядов профессор Эйнштейн не может считаться пригодным для использования в секретных работах, ибо кажется маловероятным, чтобы такого склада человек за столь короткое время стал вполне благонадёжным американским гражданином».

Такую характеристику выдал на создателя теории относительности директор ФБР Эдгар

Гувер, отвечая на запрос о возможности привлечения великого физика к работам над атомной бомбой.

Однако столь негативное заявление не повлияло на решение дать исследователю карт-бланш в деле превращения боевого корабля в невидимку и передислокации его в далёкое будущее. Когда несколько десятков лет спустя появятся реальные результаты, и металлическая машина возникнет на море, соткавшись из воздуха, Эйнштейн будет уже стопроцентным американцем, полностью благонадёжным, либо его не будет вовсе в натуре, и он упокоится в земле на престижном кладбище.

Знаковый поворот рубильника, означивший в октябре 1943 года начало новой эры, и эсминец «Элдридж», бортовой номер «DE 173», используемый для научного эксперимента «Радуга», основанного на Единой теории поля Альберта Эйнштейна, исчез из поля зрения. Так была порождена сказка о путешествии во времени, которая в Израиле превратилась в бль, если верить собственным глазам. А как не верить? Вот она, «спящая красавица» Любаша! Точно такая, какой смотрелась много лет назад, когда обживали эту квартиру.

– Любаша!

– Да, – вздохнула она, прижимаясь.

– Ты меня узнаёшь?

– Ладушки-оладушки! Придумай что-нибудь посмешнее, – потёрлась распаренной щекой о щетину, набежавшую за ночь.

– И не пугаешься?

– Я уже видела твою фотку на столе. А кроме, – чуть помедлила, – мой живописный портрет на мольберте.

– Через десяток лет я буду стариком.

– Дани! Меня не интересуют твои прогнозы, я люблю тебя, какой ты есть сейчас. Это внутри меня. И это навечно, сколько придётся жить. Главное, и ты любишь меня. Любишь?

– Люблю!

– Я это поняла сразу, как увидела, что мой ключ... мой старый ключ... подошёл к двери. Прямо в сердце толкнуло: ты ждал, все эти годы ждал меня, и поэтому не сменил замок. Оставил всё, как было... как было в тот день, когда... Да-да, в тот день, когда я уходила. Поэтому и на столе две рюмки, коньяк, будто ничего не изменилось. Я чуток выпила и оставила памятный след... Специально, как воздушный поцелуй...

– Помада?

– Да-да, чтобы догадался: я вернулась. Я не могу без тебя!

И рефреном, как в стародавней юности, отдаётся в душе:

– Я не могу без тебя!

– Не могу без тебя!

– Без тебя!

– Я!

Глава четвёртая ДРЕВНЯЯ КАРТА ВИКИНГОВ

6

Вспомнилось.

Я иду к тебе.

Две одинокие фигуры встретились посреди шахматного поля.

– Ты?

– Я.

– Ко мне?

– К тебе.

– А я к тебе.

Я поднял глаза и увидел своё отражение в глубине твоих зрачков. Я остался в тебе, увидел я. И ещё я увидел цветок. Ты держала цветок, аленькую гвоздику. Гвоздику – для меня?

– Сегодня день нашего рождения...

– Ах, да... День рождения...

– Три месяца...

– Да-да, ровно три месяца. Поди ж ты, срок!

– Совершеннолетие...

– Совершеннолетие в три месяца...

Вспомнилось, и тишком вывело из кровати, потащило в салон, к телефону. Пожалуй, сегодня не совершеннолетие, а куда как более значимая дата. И если позвонить, напомнить, может, это к чему-нибудь выведет. А то ведь ни словом не перебросясь, ни планами на будущее.

Дани обманывал себя. Он прекрасно создавал, что впереди «никаких планов» и прежняя жизнь с женой, той Любой, что покинула его и уехала в Питер, не восстановится. Разошлись они, если попутно вспомнить ленинградское присловье, как в море корабли. У каждого свой курс, проложенный не штурманом, а судьбой. Но позвонить следует. Хотя бы ради того, чтобы услышать её голос. Услышать и убедиться: жива! А то смутное чувство непоправимой беды будоражит, спазматически схватывает сердце. Вдруг её уже нет? Не должны ведь по законам природы одновременно существовать в земном мире две половинки одного и того же человека. А в неземном? Слава Богу, мы ещё не там. И наши реалии – наши, не квантовой физикой продиктован-

ные. Впрочем, что он, гуманитарий, смыслит в квантовой физике? Он и в «школьной» плавал не лучшим образом. Потому и поступил на исторический в ЛГУ.

Правда, если быть честным перед собой, исторический факультет именно Ленинградского университета привлёк его по несколько иной причине. Из-за соблазнительной рекламной объявки. «На первом курсе студентам предстоит археологическая практика, которая проходит в интереснейших местах, связанных со знаковыми страницами отечественной истории – на территории древней столицы Руси – в селе Старая Ладога и на острове Гогланд. Каждый может сделать научное открытие, так как Гогланд – одна из загадок, разгадать которую пытаются исследователи Ленинградской области во время проведения археологических изысканий на острове. На протяжении нескольких веков Гогланд населяли финские рыбаки, впоследствии он считался одним из самых популярных курортов Балтики. В настоящее время это пограничная зона и место расположения воинских частей».

«Пограничная зона» – вот где собака зарыта! Не имея студенческого билета ЛГУ, не будучи на первом курсе исторического факультета, не попадёшь на Гогланд. А попасть на остров необходимо, и не ради успешно сданных зачётов или экзаменов, во имя сокровенного, заповеданного отцом дела.

Борис Яковлевич, штурман латвийского буксира «Эзра», оказался на острове адвым днём 29 августа 1941 года, когда море вокруг бурлило, а комья земли взлетали вверх от разрыва немецких бомб. Свыше пяти тысяч человек, добравшихся вплавь до берега с гибнувших кораблей и барж, идущих из Таллинна в Ленинград, спасались на суше, рвались укрыться в лесу и в скалах от беспощадного огня с неба. Фашистские лётчики, словно соревнуясь в игре под названием: «Где жизнь – там смерть», открыли фонари кабин и метали в людей ручные гранаты, стремясь ради ухарства поразить ту или иную живую цель, мечущуюся в поисках укрытия между камней и деревьев.

Кому выпало уцелеть, тот на всю жизнь запомнил эту кровавую пятницу. А предшествовало ей решение Центральной эвакуационной комиссии города Риги от 26 июня 1941 года о передислокации из Рижского порта в Ленинград всех морских судов и плавучих средств. 28 июня в 4 часа утра караван прибыл в Пярну. После короткой стоянки малотоннажные корабли взяли курс в направлении

пролива Муху (Моонзунда). Остальные 3 июля пришли в Таллин и раз за разом совершали рейсы в Ленинград, вывозя на большую землю людей и ценные грузы.

Своеобычный секретный груз имелся и на борту буксира «Эзра». Правильнее сказать, он хранился в непромокаемом конверте на груди у штурмана Бориса Яковлевича под кителем. О его ценности сообщил научный сотрудник морского музея Юхим Берг, не желающий покинуть больную жену в оставляемом захватчикам Таллине. Доверился потому, что учуял в рижском моряке брата-еврея и, вообще, наивно полагал, что буксир «Эзра» – на иврите «помощь» – тоже имеет прямое отношение к его соплеменникам.

В Латвии еврейская община, почти полностью уничтоженная в ходе войны нацистами, намного превышала эстонскую и насчитывала в конце тридцатых годов 93 000 человек, из которых погибли в гетто и лагерях более 70 000. Так что догадка Юхима Берга о предположительной принадлежности судна еврейской общине не лишена была логики.

В чём же заключался секрет пакета? В карте викингов, изготовленной в древнюю пору, когда прочие люди не решались на вёслах, либо под парусами, выходить в дальние моря. На карте обозначено местонахождение мистической Атлантиды, утонувшей по версии Платона на заре человеческой цивилизации. И как явствовало из расшифровки некоторых записей, приведённой Юхимом Бергом, рассказывалось о строительстве пирамид на пустынном плато Гизы и двух Сфинксов. Двух, а не одного, известного ныне, расположенного в восьмистах метрах от великой пирамиды Хеопса, единственного из «Семи чудес света», сохранившегося до наших дней. Второй Сфинкс, как явствовало из документа, тоже находится в восьмистах метрах, но на противоположной стороне, за пирамидами, и засыпан полностью песком, чтобы до срока не обнаружили. Почему? По той причине, что под правой лапой на значительной глубине в огромном зале расположена библиотека атлантов, хранящая мудрость и знания исчезнувшего народа, овладев которыми можно по силе могущества сравниться с богами.

Ну, и самое главное...

А что для еврея, независимо от того, в какой стране он проживает, самое главное, когда говорят о загадках истории?

Местонахождение Атлантиды?

Таинственный Сфинкс?

Сокровища древней библиотеки?

Судьба Ковчега Завета!

Нет, не вывезен он в Эфиопию, не спрятан в Иордании. А согласно расшифровке, по-прежнему пребывает в одном из скрытых глубоко под землёй туннелей. Под Храмовой горой, где теперь стоит мечеть Омара. В ста двадцати шагах по направлению к восходящему солнцу, вниз и вбок по коридору от краеугольного камня Второго Храма, разрушенного римской армией во главе с императором Титом в 70-ом году нашей эры после штурма Иерусалима в ходе Первой Иудейской войны.

– Будешь жить, донеси эти сведения до Иерусалима. По моей наводке отыщут! – убеждённо сказал Юхим Берг, прощаясь.

Больше они никогда не виделись. Да это и не удивительно, если вспомнить, что в Эстонии нацисты установили кровавый рекорд Прибалтики. Здесь уничтожено 97 процентов местного еврейского населения, на десять больше, чем в Латвии и Литве.

Но как выполнить сокровенный наказ, когда неведомо, сколько минут отделяет от гибели? Таллинский порт подвергся обстрелу, снаряды ложились в опасной близости. Буксир «Эзра» сновал между кораблями. Моряки забирали людей с причалов Минной гавани и под огнём дальнобойной артиллерии доставляли к стоящим на рейде транспортным судам. Тут последовал приказ: присоединиться к морской эскадре и следовать в Кронштадт.

Под непрерывной бомбёжкой, отражая торпедные атаки, разнокалиберные гражданские суда, наскоро вооружённые всего лишь пулемётами, двинулись фарватером, проложенным в минных полях у Гогланда. Когда в поле зрения вахтенного вырисовался остров, мимо прошла немецкая подводная лодка. Ударом торпеды сорвала мины с якорей, и столкновение с бродячей смертельной напастью стало почти неминуемым. Взрывной волной Бориса Яковлевича смыло за борт, и он следом за сотнями таких же бедолаг, покинувших тонущие суда, поплыл к далёкому берегу.

Повезло. Выдержал. Добрался. Но надолго ли жизнь дала ему передышку до смерти? Где найти надёжное укрытие? Как сберечь карту Юхима Берга? Немецкие самолёты кружили в небе, расстреливая и обсыпая ручными гранатами обезумевших людей. Не потерять волю в этих условиях, не пойти на какие-то необдуманные действия труднее всего.

Борис Яковлевич укрылся в разрушенном здании, напоминающем маяк. Здесь в подвальном помещении, в двух метрах от входа, обнаружил в каменной кладке вместительную щербину, куда затолкал пакет.

«До лучших времён!» – подумал, не сознавая, что минуту спустя бомбовой удар обрушится на маяк, он получит контузию и в бессознательном состоянии будет эвакуирован в Ленинград. Здесь он и надумил сына добраться до Гогланда, ставшего закрытой зоной для гражданского населения, отыскать по указанным ориентирам в порушенном здании пакет и выполнить последнюю волю Юхима Берга – доставить его в Иерусалим. Что и было сделано. Хотя и с превышением плана. На Гогланде Дани нашёл не только таинственную карту викингов, но и девушку своей мечты. Не Марику Рёкк, разумеется, из трофейного немецкого фильма, захватившего экраны советских кинотеатров, а обаятельную чарушку Любочку Калинскую, офицерскую дочку и по счастливому совпадению такую же, как он, первокурсницу ЛГУ – с журфака, проводящую выходные у отца.

Помнишь?

Помню: в стесненье чуть скошенный взгляд, кивок головы – вас можно?

«Белый танец».

Меня приглашают.

И мне представляется – весь зал следит за мной: отвечу я на приглашение, поднимусь ли со стула?

Я поднимаюсь, ощущая зыбкое недомогание в груди.

«Женское танго» – тихо и задумчиво. Грустная смутность щемит. Я – говорливый и хлёсткий – в молчании замкнут. Молчание мне не по росту, тесно и жарко в нём.

– Звать... Как тебя звать?

– Люба.

– Значит, любовь?

– Любовь, и не иначе...

Любовь...

Дани набрал номер телефона.

– Алло! Алло!

Длинный гудок.

– Алло! Люба? Да, это я. Как ты? Нормально? Да? А что? Нет-нет, всё в порядке. Я просто хотел... Что? Соскучился? Да, помню: «Не скучай мой милый котик. Лучше скушай бу-ТЫЛЬ-бродик». Чего я только не скушал! Ладно-ладно, не буду... Разошлись, как в море корабли. Что? Ах, если настаиваю... Нет-нет! Я ни на чём не настаиваю. Просто хотел убедиться...

– Что жива? Убедился?
– Убедился! Ты даже не представляешь, насколько я благодарен тебе, что ты жива.

Положил трубку на рычаг, протёр заслепившиеся глаза и автоматически включил пульт телевизора, тут же приглушив до предела звук, чтобы не разбудить любимую.

В ранний утренний час по российскому телевидению вместо новостной сводки показывали в повторной трансляции Левенбука.

– Как говорил мой любимый актер Лившиц, – излагал он доступными пониманию словами, – ностальгией не страдают только идиоты.

– Вот так, – сказал знакомый ангел. – Ностальгия есть, следовательно, идиотов нет и в помине.

– Живут же люди!

– Одному я предложил руль лёгкой жизни.

– А что это такое?

– Бог его знает, – указательный палец вверх. – Его патент!

– И что?

– Взял. Держит в руках – не налюбуется.

– А дальше что?

– Ничего. Руль есть, а жизни нет.

– Куда же вырулит?

– Это вопрос не ко мне. А к его ностальгии.

– Намёк?

– Я без намёков. К тому же тебя зовут.

Из спальни донеслось.

– Дани, с кем ты разговариваешь?

– Да так, ни с кем.

– Но я слышала, ты вроде бы звонил по телефону.

– Любаша! Тебе показалось.

– Тогда иди ко мне!

– Лучше ты ко мне.

– Брось, Дани! Утро вечера мудренее. Не мудруй лукаво. Иди! Иди! Я тебя сделаю папой.

– Куда мне? – сказал он, направляясь в спальню. – Я уже гожусь в старики. Не заметила?

– Глупыш! Забыл, что ли, как я хочу ребёнка?

О, нет! Он не забыл. Он с дрожью в сердце помнил, чем кончилась беременность Любы, когда она вернулась в первый раз. При сложившейся ситуации можно сказать и так – в первый раз! – тогда, после неудачного, по её версии, эксперимента.

Что будет сейчас? Лишь бы не аборт!

– Любаша!

– Что?

– А ребёнку мы не повредим? – тихо произнёс, втягиваясь под одеяло.

– Ещё не зачато? Не городи чепухи! Разродимся без проблем – это у нас наследственное! Недаром бабушка говорила: «Женщине на роду написано быть продолжательницей жизни. Женщина без детей, это как древо познания жизни без плодов».

– Ох ты, моё возлюбленное древо жизни!

Душевная боль отпустила. «Слава Богу! – подумал Дани. – Какое счастье, когда в человеке рождаются столь простые слова – «разродимся», «без проблем», «это у нас наследственное».

Теперь, на возрастном переломе, не имея до сих пор наследника, потери ребёнка ему не пережить. Это он сознавал столь же чётко, как и то, что обнимает её – первую свою и, как показала жизнь, единственную любовь.

Глава пятая МИСТИКА И РЕАЛЬНОСТЬ

7

Любаша – в соседней комнате. Смотрит третьи сны. И видится ей...

«Что ей видится?» – подумал Дани. – А видится ей...

Пальцы торопливо забегали по клавишам, и по экрану компьютера вдогон за ними рванулись строчки.

В Иерусалиме – полночь.

Я за стареньким компом, марки... хрен её знает – какой. Пью кофе фирмы «Элит», подражая Бальзаку, взбадривающему себя по ночам ядовитым для желудка напитком, когда писал безумно-популярные у домохозяйек романы – версия Стефана Цвейга, автора биографической книги «Бальзак», изданная «Молодой гвардией» в серии «ЖЗЛ».

До утра – вечность. С ней, вечностью этой, не поговоришь.

Вечность...

Все языки знает, но на современном русском не кумекает, как и я. «Дилеры», «спонсоры», «питчинги».

Если с вечностью не поговорить, переключимся на её незатейливых детей, умеющих определяться во времени, называть доверчивым читателям даты стихийных бед-

ствий, планетарных катастроф и всяких прочих неприятностей.

Определось в тех, что должны были приключиться на роду человечества при нашей жизни, но в уже прошедшие мимо дни.

По Нострадамусу, как его толковали знатоки центурий, конец света должен был наступить в 1999 году. Пугали-пугали кошмарными прогнозами в газетах и журналах, и остались с носом.

По древнейшим египетским папирусам, согласно кропотливым расшифровкам иероглифов, конец света выпадал на 2001-й. И тоже промахнулись, либо древние оракулы, либо их современные толкователи.

По календарю Майя гибель лучшей из планет приурочили ко дню рождения Сталина. Земле предстояло гикнуться 21 декабря 2012 года. Страх и ужас царил на землематушке с приближением роковой даты. Но опять вышла оплошка. По разъяснениям толковых звездочётов 2013-го года, прежние умельцы были не ахти какие знатоки старинных раритетов и за конец света приняли совершенно иное явление. Какое? Оказывается, как с опозданием выяснили учёные мужи, в календаре Майя речь идёт о завершении цикла и начале новой эпохи, но отнюдь не гибели всего сущего.

Одно ясно: никто не предсказывал того повального помешательства, которое охватило нашу планету в 21 веке. Теперь со всей очевидностью можно констатировать: мир сошёл с ума, убивая ежедневно в террористических актах по сто-двести человек зараз – в Ираке, Сирии, Афганистане. Уймётся ли мир? Нет, всё говорит, что кровавый разгул будет продолжаться, невзирая на очередное, вновь близкое по срокам, предсказание о конце света. По Нострадамусу, на основе новых прочтений старых текстов теми же специалистами, конец света следует ожидать в...

Однако не вижу смысла ещё раз пугать слабовольных и мнительных. Да и самого себя, когда полночь и не уснуть.

Действительно, если полночь и не уснуть... Зачем при таком раскладе вспоминать о конце света, о киловаттах и мегатоннах? Зачем о бомбах, тротильных шашках, террористах и самоубийцах? Ох, как хочется иногда здесь, в Иерусалиме, где живём в нескончаемом эхе от взрывов, чтобы террористы встретились накоротке с самоубийцами. Первые помогут вторым. Славно-то как! Кошка ищет мышку, человек – судьбу свою. Пусть самоубийцы предложат себя в жертву террористам, тогда на лучшей из планет на-

ступит праздник человеческого взаимопонимания.

Но нет, договорённости не достигнуто, и нам, когда мы солдаты-резервисты израильской армии, приходится решать эту проблему самостоятельно, иногда даже примеряя роль самоубийцы, так как подчас, пока жизнь не под реальной угрозой, стрелять возбраняется.

Год 1985-й. Лагерь беженцев «Балата», на окраине Шхема.

Нас подняли по тревоге. Вооружили до зубов: американская скорострельная винтовка М-16, пять магазинов с боевыми патронами, лимонка – граната из семейства цитрусовых, рядом в подсумке её слезоточивая сестрица, не убойной породы.

И отдали приказ: не стрелять!

Вот и стояли мы в оцеплении у ворот в лагерь. На взгорье открывается библейский город Сихим, для иностранных туристов – Наблус, для израильтян – Шхем, место памятное для знатоков Библии, верующих разных конфессий и толкователей древних текстов. Некогда здесь мелкий князёк, сын Еммора Евейнина, не имеющий представлений о том, как предлагают девушке руку и сердце, при первой случайной встрече обесчестил Дину, дочь Иакова от первой его жены Лии, зашедшую на его улицу ради туристического променада. А, изнасиловав, сообщил, что прилепился к ней душой и не прочь жениться. Не расстраивайся, мол, девушка, что над тобой надругались, сейчас поправим ситуацию – зашлём к твоему отцу сватов.

«Сыновья же Иакова, – как сказано в Библии, глава 34, – пришли с поля, и когда услышали, то огорчились мужи те, и воспылали гневом, потому что бесчестие сделал он Израилю, переспав с дочерью Иакова: а так не надлежало делать».

В результате всё мужское население города в отместку за позорное деяние было перебито сыновьями Иакова.

И это осталось в памяти поколений.

Арабы помнили о массовом смертоубийстве их предков.

Евреи – о надругательстве над невинной Диной.

А наше командование – о снижении градуса взаимной ненависти.

Отсюда и приказ: «Не стрелять!», дошедший, вне всяких сомнений, и до палестинцев.

И вот картинка не для слабонервных.

К воротам лагеря беженцев подвалил пустой израильский автобус, минут через

пять в него хлынет толпа наёмных рабочих, – и рули в Тель-Авив на заработки. Но перед посадкой – таковы правила – необходимо предъявить на проходной удостоверение личности нашему командиру Йоси, чтобы тот убедился: ты не разыскиваемый террорист. И – пожалуйста, двигай за трудовым шекелем.

Один предъявил, второй. А третий...

– Стой! – кричит Йоси, но куда там: остановится, жди!

Честно говоря, остановка для него может превратиться в пожизненную. Это же Аббас Абдельджаффар! «Суровый Раб» в переводе, как нам толковали на летучке перед выходом на задание. На его счету убийство в кибуце «Алеф-Бет» двух дошколят и изнасилование их старшей сестры, зарезанной тоже, чтобы не оставлять свидетелей. В розыске находится больше месяца, скрывался, согласно оперативке, здесь, где вполне заслужил и смерть принять, «не отходя от кассы», как любят порой высказываться из ностальгических побуждений мои сослуживцы из «русского», так нами прозванного батальона. Но приказ: «Не стрелять!»

Я вскидываю винтовку.

Аббас только зло прищурил глаза. Разбойнику хорошо ведомо: выстрела не последует, и, значит, он прорвётся сквозь заслон.

А заслон – смешно сказать! – это я. Мендель – в стороне, метрах в пяти. Нави, имя его при чтке справа налево – Иван, ещё дальше.

Шестьдесят кг спортивного веса против его восьмидесяти с лишним. Правда, чтобы придать себе немного весомости, чуть-чуть и прихвастну: в придачу к весу нокаутирующий кулак бывшего чемпиона Ленинграда по боксу.

Ударил я его в лоб. Не по скуле, дабы не нанести урон его усатенькой внешности, не сломать ненароком челюсть. Честно, в лоб! Если требуется разъяснение моей мотивации, то, будьте любезны, послушайте. Я из страны победившего социализма, где боксёру полагается срок за нанесение увечий при хулиганских разборках на улице. Это инстинктивно и сработало в последнее мгновение, когда мой кулак пошёл к цели.

При сломанной челюсти, получи, будь ласка, три года тюрьмы. А при отсутствии на лице видимых следов потасовки, пусть и определено сотрясение мозга, выйдешь сухим из судебной воды. Итог дознания: ты ни в чём не виноват, твой противник споткнулся,

скорей всего по глубокой пьяни, и упал, головой стукнувшись о булыжник.

В ситуации с арабским террористом пьянь отменяем по причине постоянной трезвости, сопровождаемой курением травки. Примем к сведению второй аргумент: парень споткнулся и брякнулся головой о мостовую. Причём, это готовы засвидетельствовать все очевидцы происшествия.

Вернёмся из 1985-го и мысленно скажем: воспоминания о прошлом равны жизням минувшим. Я жил, Любаша, тогда, живу сейчас, и с твоим возвращением к жизни буду жить завтра. А чтобы всё между нами было без недомолвок, напоминаю тебе сейчас тот давний момент, когда вернулся в мае из милуима (службы резервистов) с разбитой рукой на перевязи.

– Дрался? – встревожено спросила ты?

А я? Каюсь, Любаша! Не желал тебя тревожить передрыгами солдатской житухи, проходящей, как в песне у Суркова, в «четырёх шагах от смерти», и сочинил спасительную историю о ремонте казармы, раздвижном ключе, соскочившем с гайки, и ушибе кулака о металлическое покрытие... Чего? Даже не припомню чего...

Что только мы ни придумывали в армии, Любаша, лишь бы вы оставались спокойными, не нервничали зря и пребывали в уверенности: ваши мужья в полной безопасности и вернутся домой к условленному сроку, если не внезапная война.

Мы всегда возвращаемся. Главное, вы не уходите от нас.

Я люблю тебя!

Любовь – это допинг, и нет ничего сильнее, чтобы кинуть в бездну чувств, погрузить в упоение, превратить в животворную точку, блуждающую в благословенных потёмках незнания ни добра, ни зла. В животворную точку, из которой, как и вся наша Вселенная, создастся грядущий мир. Известно, мир не без добрых людей, но по доброте человеческой не родится любовь. Никто, сколь ни будь щедрым, не способен подарить тебе любовь. Никто, сколь ни будь хлебосольным, не способен угостить тебя любовью. Получишь эрзац, и будешь мучиться жизнью, да-да, мучиться жизнью, а не жить, пока не осознаешь до глубины души: любовь – не бывает подарком, а тем более – угощением.

Любовь – это...

Это ты, моя Люба!

Любовь и жизнь! Два слова – «да» и «нет».
Я признаю решение любое.
Любовь, я постигаю твой рассвет
не на рассвете – поздною порою.
Любовь и жизнь! Но наш расстрельный век
набросил маскировочные сети
на каждый день, неделю – всё столетье.
И сумрачно парит полдневный снег.
И плещется на мёртвых лицах ветер.
Любовь и жизнь! Но не сказать: «потом».
Вокруг – былое, а за тем углом
уже не слышно: «вира! майна!»
Где отчий дом, там ныне бурелом.
Где ясность мысли, там отныне тайна.
Любовь и жизнь! И слово, и завет,
и крови ток – божественной строкою.
Любовь, я постигаю твой рассвет
не на рассвете – поздною порою.
Приди опять, приди и обойми,
чтоб превратились мы в единое соцветье.
Любить и жить! Пусть и разгар зимы,
у нас весна – мы на своей планете.

8

Каким-то непонятным образом – впрочем, ассоциативное мышление на то и ассоциативное, что возникает внезапно – повлекло в воспоминания о последней перед отъездом из Ленинграда встрече с отцом, когда, оформив все бумаги по репатриации в Израиль, Дани не удержался и спросил:

- Папа, это правда?
- Что?
- Дедушка говорил, будто мы потомки царя Давида и Соломона Мудрого?
- Мне осознание этого помогало выжить на войне.
- Не понимаю.
- Чего проще? Каждый, кто происходит из Дома царя Давида, любой его потомок по мужской линии, оберегаем небом. И не умрёт, пока не оставит наследника. Почему? Предание гласит: в конце времён один из этих наследников явится в наш мир Мессией. Кто? Из какого колена? Это тайна. Иначе наши враги перебили бы всех подозреваемых на роль Мессии.
- Избиение младенцев. Как у Ирода?
- Нечто подобное.
- Но почему, папа, если мы потомки царя Давида и Соломона Мудрого, нам не досталась соответствующая фамилия?
- Чем тебя не устраивает, что в паспорте ты Орлов? – странно, с хитрецей в голосе, поинтересовался Борис Яковлевич, протирая платочком запотевшие стёкла очков.

- В Израиле меня сочтут за русского.
- Не сочтут, если ты скажешь, что на самом деле ты Орлев, в переводе с иврита, это – Свет Сердца. Ор – свет. Лев – сердце.
- Как же?
- Борис Яковлевич задумался, прикидывая, с чего начать. Вроде бы всё очень просто, но где найти доходчивые слова, объясняющие поведение человека, смонтированного для выживания в реальной, а не сказочной жизни? И значит, существующего не по законам классической механики Исаака Ньютона, а в согласовании с Божьими, не обусловленными линейной логикой поведения и поступков.
- Было так...

В начале сентября 1941 года, когда смыкалось кольцо блокады, работники Ленинградского порта совместно с латвийскими моряками создали сводный партизанский отряд. В латвийское подразделение, возглавляемое Карлисом Биргелисом, бывшем красноармейцем времён Гражданской войны, зачислили и Бориса Орлева на должность командира отделения разведки.

Паспорт велели снести писарю Ковалёву, чтобы оформил красноармейскую книжку, и приступили к инструктажу.

- Винтовкой владеешь?
- Владею!
- Держи, система Мосина, по рабоче-крестьянски – трёхлинейка, на пять патронов. И заруби на носу: пуля – дура, штык – молодец! А граната – надёжный товарищ для смерти. Если что, врагам не сдаваться. Они – «хенде-хох!» – а ты чеку вырвал и – десяти смертям не бывать, одной не миновать!

Именно так, в полной уверенности, что смерти не миновать, пошли они – молодые, необученные, – в первый бой.

Всё было, действительно, впервые для моряков торгового и каботажного флота, умеющих стоять за штурвалом, прокладывать курс в штурманской рубке, поддерживать огонь в топке, но отнюдь не стрелять из положения «лёжа», «с колена», «на бегу». Всё впервые – и посвист пуль над головой, и крики раненых, и стеклянные глаза людей, минуту назад деливших с тобой воду из фляжки.

Но задача поставлена: разгромить фашистский десант!

И он был разгромлен, ни один гитлеровец не прорвался к Ленинграду.

Или другой бой, столь же смертоносный. На прорыв кольца окружения, в которое попали советские бойцы.

– Идём в рейд! Всем выдать по дополнительной обойме! Пленных не брать! наших, зубы сожми, но вытаскивать любой ценой!

И пошли. И прорвали кольцо. И вытащили к жизни полумёртвых солдат, не один день сражающихся в окружении: истощённых, больных, но так и не сдавшихся.

Сколько было этих боёв, и не перечислить. Разве что при разглядывании наград – орден Красной звезды, медали «За отвагу», «За оборону Ленинграда», учреждённую 22 декабря 1942 года, как раз в тот день, когда по ранению попал в госпиталь, – приходят на память те или иные события. Ну и, конечно, тот момент, когда взамен паспорта, получал перед строем красноармейскую книжку.

Плац. Построение партизанского отряда. Выкрики командира.

– Аболтынь!

– Брунова!

– Иванов!

– Орлов!

– Извините, Орлев.

– Разговорчики в строю! Шаг вперёд!

Борис Яковлевич принял красноармейскую книжку, отдал честь и, глазам не веря, прочёл каллиграфически чётко выведенную писарем фамилию – Орлов, под которой отныне жить, воевать и, случись непоправимое, лежать в братской могиле.

Что предпринять?

Бросился на поиски непутёвого писаря.

– Недотёпа! Какого чёрта?

– А что? – Писарь Ковалёв, плосконосый солдатик с мелкой головой и в нахлобученной

по уши пилотке, вытаращился навстречу непривычному латышскому акценту.

– Я Орлев, а не Орлов.

– Какая разница?

– Ор лев – это Свет Сердца на языке моих предков, включая царя Давида и Соломона Мудрого.

– А «Орлов» – это самый крупный алмаз в мире – сокровище алмазного фонда, спрятанное в Кремле под пригляд Сталина, чтобы не украли. Так говорили нам во время экскурсии по Москве на языке моих предков, русских, доложу, по крови.

– Но я хочу исправить ошибку, вернуть свою еврейскую фамилию!

– Ты имеешь что-то против русского народа?

– При чём тут народ?

– При том, что это официальный документ, и никаких помарок в правописании имени-фамилии, тем паче исправлений, не положено. Иначе при проверке документа любой патруль примет тебя за немецкого шпиона. Хочешь оказаться вместе со своим латышским произношением в лапах у СМЕРШа?

Борис Яковлевич явно не хотел этого. Он хотел сражаться за родину и если погибнуть, то с честью и под своей фамилией.

Но в фамилии ему было отказано. И что немаловажно, может быть, это послужило причиной отказать ему также и в смерти при защите Ленинграда.

Кто знает? Высшие инстанции? Но они интервью не дают. Тайные сведения легче удержать в секрете, если лишний раз о них не упоминать.

И, следовательно, жизнь продолжается.